

ЛИТЕРАТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Л.А. ЧИБИРОВА И ЕГО ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ

И.В. Мамиева

В статье впервые рассматривается жанр биографии в качестве новой грани научного наследия видного историка и этнолога-кавказоведа Людвига Алексеевича Чибирова. Актуальность исследования определяется как возросшим в наши дни интересом к биографике (биографистике) – одной из отраслей прикладной междисциплинарной науки, так и теоретической неразработанностью ее жанрово-видовых форм в историко-литературной науке в целом, осетинской в том числе. В центре внимания автора литературно-художественная ветвь биографики, заметно потеснившая позиции традиционного критико-биографического очерка. Цель работы – изучить варианты жанровой структуры литературной биографии, ее поэтику и ценностные смыслы на материале книг Л.А. Чибирова «Имена» (2010), «Георгий Бестауты. Шаги в бессмертие» (2021). Использован биографический метод с привлечением аналитических приемов герменевтики, позволивших выявить, насколько верно и объективно воспроизведен в анализируемых текстах облик того или иного литературного деятеля, раскрыты аспекты его жизненного пути, освещены события, повлиявшие на развитие его мировоззрения, индивидуально-авторской манеры письма. Сделан вывод о том, что вектор жанровой динамики направлен от портрета-силуэта (Ю. Боциев, С. Хаблиев) через промежуточный вид (М. Дзасохов) к литературной биографии синтетического типа (Г. Бестауты, Ш. Джикаев). В плане концептуального содержания это переход от изображения биографии героя как истории отдельной личности к биографии человека, «вписанного» в исторический процесс, в пространстве которого факты личной жизни и факты творчества составляют неразрывное единство; активная позиция индивида становится источником видимых перемен в обществе, оказывает влияние на формирование национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: *литературная биография, поэтика, структура, синтез, нарратив, источниковый комплекс, культурная память.*

Для цитирования: *Мамиева И.В. Литературно-биографический нарратив в научном наследии Л.А. Чибирова и его ценностные доминанты // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 13(20). С.30-48. DOI: 10.46698/VNC.2023.20.13.001*

Научная общественность севера и юга Осетии отметила недавно юбилей видного российского этнолога-кавказоведа, доктора исторических наук, профессора Л.А. Чибирова. Исключительная заслуга ученого

заключается в создании мощной источниковой базы, способствующей развитию исследовательской активности практически во всех сферах гуманитарного знания в Осетии. Его вклад в развитие осетиноведения измеряется не только большой научно-практической значимостью, но и тем, что затрагивает важнейшие теоретические вопросы общей этнологии и нартоведения [1, 184].

Еще одна грань дарования Людвигу Алексеевичу связана со сферой вспомогательной исторической дисциплины *биографики*¹ (биографистики), которая в наши дни все чаще характеризуется как прикладная междисциплинарная наука, особый вид гуманитарного познания [2].

Биографика как метод исторического исследования и сам термин был введен в научный оборот в 1920-е гг. педагогом и психологом Н.А. Рыбниковым, который выступил с проектом организации «Биографического института», в основу которого легла идея изучения личной жизни «как предмета исторической науки». В целях обоснования этой идеи автор апеллировал к труду В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871) и к «Обзору русской истории с социологической точки зрения» (1903) Н.А. Рожкова, который для характеристики каждой эпохи использовал биографический компедиум «наиболее выдающихся ее представителей». В отличие от последнего, Рыбников ратовал за создание банка хранения массового биографического материала, всестороннее исследование которого «должно было помочь воспроизведению правдивых “образов прошлого”», но и обогатить накопленными данными остальные науки и дисциплины, задействованные в изучении человеческой личности. Подобное учреждение, по мнению ученого, стало бы «графической памятью человечества», инструментом передачи жизненного опыта последующим поколениям [3, 24–27].

Задумкам Рыбникова в то время не суждено было состояться. Интерес к ним возобновился у нас в 1970–80-е гг., а уже на рубеже XX–XXI вв. появились специальные теоретико-методологические и научно-практические труды, в которых проблемы биографики рассматриваются с позиций сохранения памяти об отдельной личности в истории, отображения портрета эпохи сквозь призму конкретных человеческих судеб.

Важным теоретическим вопросом является критерий оценки того, кто достоин биографического описания. «С древних времен возможность оставить след в коллективной памяти воспринималась как возможность продления жизни, а сохранение чьей-то жизненной истории – как честь, и биография реализует эту модель синтеза индивидуальной и коллективной памяти» [4, 46].

В русле целевых установок биографики – и в первую очередь – актуализации культурной памяти – созданы, на наш взгляд, труды Л.А. Чибирова «О времени, о людях, о себе: Записки Первого Президента Республики Южная Осетия» [5], «Потомство Сидамона: Цыбырты мыггаг» [6] и

ряд других, рассказывающих о жизненном и творческом пути знаковых фигур в истории науки, литературы и культуры Осетии: Аксо Колиеве [7], Васо Абаеве [8], Иуане Ялгузидзе [9], Григории Котаеве [10], Георгии Бестауты [11]. Исходной точкой написания значительной части этих изданий послужили тексты, сведенные воедино в книге с «говорящим» названием «Имена» [12]. Это биографически ориентированные нарративы о 23 соотечественниках, снискавших известность своими заслугами в политической, социальной и духовной сферах общества (З.Н. Ванеев, Б.А. Калоев, Г. То-гошвили, С. Таболов, В. Уарзиати, Ю. Кучиев и др.). Среди них также представители научной и политической элиты других народов (В.Ф. Миллер, Ш.Д. Инал-Ипа, Б.Н. Пастухов, А.И. Робакидзе, Н.И. Толстой, Г.С. Читая).

О замысле автора сделать судьбы столь блистательных людей «живым пособием» для подрастающего поколения пишет в своей рецензии доктор филологии Е.Б. Бесолова [13, 469]. Значимость данной работы, дающей «много поводов... для понимания роли человеческой личности в создании духовных ценностей мира», подчеркивается и другим рецензентом, доктором исторических наук И.Т. Цориевой [14, 127].

Согласно принятым в жанре биографики нормам в «Именах» изображены и обыкновенные труженики, которые наряду с известными лицами оставили, по свидетельству самого Людвига Алексеевича, неизгладимый след в его памяти. Своим отношением к жизни, высокими нравственными качествами все они в той или иной степени влияли на процессы формирования этноментальных основ самосознания автора, его мировоззренческих позиций.

Целостный анализ биографического письма Л.А. Чибирова – это тема отдельного, серьезного исследования. Мы ставим перед собой более локальную задачу – рассмотреть структурно-семантическое единство комплекса текстов, касающихся представителей писательского цеха – Георгия Бестауты, Юрия Боциева, Шамиля Джикаева, Музафера Дзасохова, Сафара Хаблиева, с тем чтобы сформулировать и определить критерии их жанровой принадлежности.

В связи со сказанным нелишне напомнить, что литературоведческое изучение жанровой специфики и проблем биографики стало возможным относительно недавно, когда биография перестала восприниматься только как вспомогательная историческая дисциплина. Английский писатель и критик начала XX в. Сидни Ли (1859–1926) так образно характеризовал кардинальное различие содержания и исследовательского инструментария истории и биографии: «...историк смотрит на человечество в бинокль, а биограф помещает отдельного человека под увеличительное стекло» [15, 10]. Американско-канадский критик и биограф Леон Эдель высказывается более жестко и категорично: «...a biographer who does not possess a literary style ...had better shut up shop» («...биограф, не владеющий литературным стилем... лучше закрой лавочку») [4, 45].

«Имена» Л.А. Чибирова дают довольно четкое научно-образное представление о личностном становлении его героев, истоках их общественно значимой деятельности. Страницы, посвященные им, в подзаголовке книги номинированы как очерки. Полагаем, круг выделенных нами текстов, при выраженном в них публицистическом начале, все же целесообразней отнести к жанровой разновидности литературной биографии. Своеобразие их проявляется в интеграции исследовательского опыта автора-историка с элементами художественной рефлексии; объем означенных компонентов в каждом конкретном случае достаточно вариативен.

Воспоминания о двух вузовских приятелях, будущих литераторов – Сафаре Хаблиеве («Слово об однокурснике») и Юрии Боциеве («Друг студенчества») носят характер эскизных набросков с включением в них, в первом случае, материалов личной переписки и фрагментов рецензионного текста, во втором – стихотворных цитат, принадлежащих самому герою. Точными штрихами, на первый взгляд не имеющими особого веса, в них очерчивается абрис личности.

Общеизвестно, что пишущий мемуары вольно или невольно и сам отражается в них. Людвиг Алексеевич не исключение; у читателя формируется впечатление о нем как наделенном развитыми аналитическими способностями, умением вычлнять в человеке, в образе его мыслей самые «нравные», глубинные черты. Так, Хаблиева мы видим в его изображении интровертом: немногословен, педантичен, с обостренным чувством ответственности. Но «к общественным поручениям относился с холодком» и, как легко домыслить из сказанного, вряд ли был приверженцем и шумного студенческого времяпрепровождения.

Короткие отрывочные сведения из студенческих лет сына осетинского классика Барона Боциева внутренне чуть более объемны, в плане характерологических проявлений они содержательно информативнее. «Мы сидели за одной партой все четыре года пребывания в вузе. Я, как правило, аккуратно писал лекции, а он, сидя рядом, чаще читал художественную литературу или сочинял стихи» [12, 162], – пишет автор, не забывая отметить, что оба окончили учебу с отличием. Сам факт того, что, будучи студентом, Чибиров был первым и неизменным ценителем литературных опытов соседа по парте и по прошествии многих лет может даже процитировать что-то из давних строк, говорит не только о доверии молодых людей друг к другу. Он свидетельствует также о ингерентной филологической культуре широко известного сегодня этнографа-осетиноведа, видного государственного и общественно-политического деятеля.

Возвращаясь к принципу смыслового «сжатия» информации в рассматриваемых текстах, остановлюсь на внешне бесстрастном изложении превратностей судьбы Юрия Боциева: «Так получилось, что после окончания института друг за другом ушли из жизни мать Ольга и единственная сестра Ляля. Какие-то причины помешали ему вступить в брак с однокурс-

ницей Галей, которую он любил. В итоге свои последние 11 лет он провел в республиканском доме-интернате инвалидов и престарелых «Забота» [12, 163]. Нельзя не заметить, как много горького сожаления таит в себе этот короткий абзац о нереализованных возможностях человека, щедро одаренного природой генетическими ресурсами, – по существу, сожаления о его несостоявшейся жизни.

Присущее Людвигу Алексеичу врожденное чувство слова, о котором мы говорили выше, раскрывается в описании литературного наследия Ю. Боциева. Друг юности репрезентируется им как поэт-мыслитель, в ком вопреки сложившимся обстоятельствам не угасла страсть к творчеству. Содержательная подборка цитат способствует воссозданию облика портретируемого – с его нестандартным складом ума и видением мира, критической оценкой открытий и изобретений человечества, которые подчас идут не на благо людям. Финальным аккордом в данном нарративе стало стихотворение «Прощай», которое, во исполнение волеизъявления автора, было зачитано на траурном митинге в день его похорон. Отзвываясь в душе болезненной нотой, оно тревожит нас напоминанием о лейтмотивном послые «Имен» – перенять эстафету памяти как профессиональный долг и как нравственное обязательство.

По особенностям поэтики и композиционным решениям (фрагментарность воспоминаний) анализируемые тексты, с учетом замеченных в них синтетических вкраплений, квалифицируются нами как портреты-силуэты.

Еще один нарративный ряд представлен именами Шамиля Джикаева и Музафера Дзасохова. Что дает основание рассматривать в связке двух служителей муз, разных и по темпераменту, и по креативной направленности мысли? Линия общности пролегает, полагаем, на уровне структурной организации материала; различия же в его стилиевой оркестровке.

В очерке «Народный поэт Осетии» поток сознания пишущего движется в целом ровно и спокойно, хотя эмоциональная оценочность достаточно ощутима; она проявляется в динамичном обращении, отсылающем имплицитного адресата к вынесенной в эпиграф стихотворной цитате: «Согласись со мной, читатель! О сути горбачевской перестройки никто так метко не выразился из наших поэтов, как это удалось Музаферу Дзасохову» [12, 195]. Стихотворные строки, и в самом деле, отточены, экспрессия авторской мысли преисполнена в них сарказма и едкой самоиронии.

*Глушили свой голос тревожный
Под острый восторженный гам.
А нынче мы бьем не в ладони –
Себя же – по головам.*

Риторические обращения встречаются и далее по всему тексту, в какой-то мере их можно назвать индикатором особенного дружественного отношения к герою. В общих чертах Чибиров знакомит читателя с жанро-

вым диапазоном его лирики, выделяя в ней склонность к философской рефлексии, к смысловой отточенности поэтических фраз, которые зачастую становятся крылатыми выражениями. Очерчены стержневые свойства индивидуального почерка мастера: мелодичность, легкость и доступность языка, гражданственность, органичная интеграция фольклорных элементов в художественную ткань произведений. Основательны также выводы относительно реалистического письма автора, отсутствия у него литературных штампов, вымученных характеров, ситуативных измышлений. Определяются ведущие тенденции, ключевые позиции его прозы. Рассматривая их в русле представлений, сложившихся в осетинской критике, Людвиг Алексеевич отмечает, что повести Дзасохова и хронологически, и композиционно, и даже в сюжетном плане настолько связаны друг с другом, что «производят впечатление одного цельного произведения» [12, 197]. Точны также характерологические черты сквозного героя, специфика сопряжения в нем автобиографического и типического: «По сути, – это биография послевоенного поколения молодых людей, выходцев из осетинских сел, которые упорно и настойчиво шли тернистым путем к знаниям и свету...» [12, 198]. В то же время, как большой почитатель таланта писателя, автор очерка несколько субъективизирует свое отношение к нему. В частности, он полон желания объяснить и оправдать особую приверженность Дзасохова к автобиографизму, вызывающему вопросы у читающей аудитории, и у прессы в том числе. Ссылаясь на мнение самого писателя, свои «защитительные» доводы он подкрепляет авторитетом Генри Торо, американского прозаика XIX в., которому принадлежит острая фраза: «Я не говорил бы так много о себе, если бы знал кого-нибудь так же хорошо, как себя» [12, 197]. Не могу сказать, насколько данный аргумент может считаться убедительным, но в повествование вносит атмосферу тепла и доброй улыбки.

Чибиров правомерно выделяет в цикле автобиографических текстов портретируемого два доминантных образа – Родины (родного очага) и Матери. Указывая на духовно-нравственную основу картины мира писателя, фиксирует внимание на ее этносоставляющей: «В прозе Музафера так мастерски описывается быт, культура, нравы родного села, что по ней можно изучать этнографию осетин середины и второй половины XX века» [12, 199].

Значительное место занимает в очерке характеристика еще двух, не менее важных сфер приложения творческих сил художника – в области детской литературы и переводческой деятельности. Надо заметить, сочинения М. Дзасохова уже давно находятся в центре внимания осетинских исследователей. Автобиографический нарратив его стал предметом анализа в ракурсе возникновения в осетинской словесности традиций лирической прозы [16, 180–189]. Рассматривались различные грани творчества для детей, как например, вопросы занимательности, познавательности,

экологического воспитания подрастающего поколения в произведениях природоведческой направленности [17]. Ряд публикаций был посвящен проблемам раскрытия внутреннего мира подростка, роли семьи и общества в формировании его нравственных ориентиров, решаемым в широком контексте общероссийского литературного процесса [18; 19; 20 и др.]. Делаются первые шаги к исследованию системы его переводческих принципов [21, 89].

Не ставя своей целью изучение филологических аспектов наследия Дзасохова, Людвиг Алексеевич выражает взвешенное мнение о функциональной значимости его переводов в актуальном процессе взаимопознания и взаимообогащения культур. Приводится весьма впечатляющий перечень знаковых имен классиков русской и мировой литературы, талантливо переведенных писателем.

Завершающим штрихом к рисунку многогранного дарования мастера слова становится изображение его как профессионального журналиста, наделенного широтой кругозора, нестандартностью ума и глубиной суждений. В подтверждение сказанного дается авторский цитатник, хорошо структурированный, с объемным охватом вопросов литературы, культуры, языковой политики, нравственных основ общества, размышлений о «власть предержащих», о будущем Осетии, о состоянии современного мира и пр. В заключительной части очерка Чибирова, в соответствии с композиционным решением, принятым по всему корпусу его биографических нарративов, отражена собственно личностная характеристика героя. Акцент делается на его высоких нравственных – эталонных с точки зрения осетинской ментальности – качествах [12, 208]. В целом, этому тексту, более чем остальным, свойственны оценочная модальность и сентенции дидактического содержания. Акцентированная субъективность оценок позволяет отнести их к числу высказываний, квалифицируемых в лингвистике как сообщения с особым прагматическим «прицелом», «т.е. такой иллокуцией, которая воздействует на получателя в определенном, задуманном отправителем, отношении» [22, 142].

В рассмотренном ряду персоналий имя Ш.Ф. Джикаева стоит особняком, как в силу трагизма судьбы, так и яркого следа, оставленного им в истории литературы и культуры, а также филологического осетиноведения. Словарная статья о нем вошла в академический труд, обобщающий художественный опыт народов России XX в., где в качестве стилевой доминанты произведений осетинского мастера слова указывается близость эстетике возвышенного романтизма. У Чибирова основной акцент также сделан на романтической натуре Шамиля Федоровича, на слиянности автора с лирическим субъектом его поэзии. Оба бунтари по природе, готовые в борьбе отстаивать свою честь и внутреннюю свободу, равно как и общенародные интересы, встать в час тревоги на защиту погранных рубежей Осетии. Отображая облик поэта-трибуна, одного из видных предста-

вителей осетинской творческой интеллигенции поколения «шестидесятых годов», пишущий неприкрыто проявляет свое восхищение и любовь к нему, восторгается его слогом, умением создавать запоминающиеся образы и яркие, неожиданные ассоциации. Эмотивные интенции проступают в рельефных оценочных коннотациях («правдолюб», «пламенный трибун», «бесстрашный борец», «знаменосец правды и справедливости» и т.п.), в риторических вопросах и восклицаниях.

С нескрываемой гордостью высказывается Людвиг Алексеевич по случаю юбилейной даты своего героя в 2010 г. Но уже в следующем году, как гром среди ясного неба, пришла весть о его гибели. Акт варварский расправы над писателем потряс общественность Осетии. Однако тревожные звонки прозвучали задолго до страшной трагедии. С них, собственно, – с угроз радикальных исламистов в адрес всенародного любимца, ставшего, как верно замечает автор, символом народного духа – он и начал свой рассказ, не предполагая, каким потрясением обернутся вскоре эти угрозы для всех, кто знал и ценил Ш.Ф. Джикаева как самобытную, творческую личность.

От сложившейся вокруг художника ситуации в конце 2008 – начале 2009 г. логичен переход к 80-м гг. прошлого столетия, когда в Осетии процветал террор другого плана – партийно-идеологического. За мятежным любимцем муз в то время был установлен негласный надзор, из уже подготовленных к изданию сборников изымалось изрядное количество «кромольных» с точки зрения цензуры стихов. Эти факты из жизни Джикаева, как и лексикон абсурдных обвинений в его адрес и вся атмосфера тотальной слежки, жесткой фильтрации печатного слова, подавления инакомыслия в годы застоя получили достоверное отражение в очерке.

Важное место уделено изучению жанрового богатства, индивидуальной манеры писателя. На хорошем профессиональном уровне, с присущей Людвигу Алексеевичу основательностью осуществлен аналитический обзор творчества признанного корифея – с выделением ведущих тем, идей, мотивов, знаковых произведений в поэзии, прозе, драматургии. Акцентируются их связи с идеалами гражданственности, национального единства, святости общенародных интересов.

Не обойдено также вниманием переводческое искусство автора, диапазон переложенных им на осетинский язык текстов. Своего рода попури из афоризмов на острые, злободневные темы, поименованных согласно их содержанию («О национальных корнях и космополитизме», «О родном языке», «О духовном багаже молодежи» и т.д.) дает представление о силе и социальной остроте публицистики Джикаева («Как публицист Шамиль силен и могуч»). Указывается на широкий спектр поднимаемых проблем, в том числе на обеспокоенность судьбой осетинского языка, будущностью родного края, территориальные границы которого сжимаются, «как шагрeneвая кожа».

Авторская рефлексия по поводу особой популярности Шамиля Федоровича в народе, обрисовка его как талантливого педагога, наставника и кумира вузовской молодежи подводит черту под воссозданием цельной картины личности писателя.

Если Ш. Джикаев ярко проявил себя в русле, скажем так, «возвышенно-протестного» романтизма, то основной нерв поэзии Георгия Бестауты – это, скорее, напряженный лиризм романтического образа, элегические ноты в символике и фразеологии романтизма [23, 132].

Атмосфера особой духовной близости задает тон повествованию об этом замечательном поэте и переводчике. Но, при всей эмотивной заряженности воспоминаний пишущего, данный нарратив по строению приближен к жанру портрета-силуэта. По всей видимости, он и был написан в одно время с этюдными набросками о Ю. Боциеве и С. Хаблиеве – друзьями студенческих лет.

Однако творческой индивидуальности Бестау (как называли его друзья) тесно в отведенных ему текстовых пределах. И в 2021 г. появляется книга «Георгий Бестауты. Шаги в бессмертие» с четко продуманной структурой и содержанием. Открывается она вступительным словом М. Дзасохова, в котором содержится краткая, но емкая характеристика автора и его героя.

Основная часть включает вехи жизненного и творческого пути, окружение этого яркого, самобытного Поэта с большой буквы – «сына Бога», как нарек его старший собрат по перу Гриш Плиев.

В разделе первом содержится информация о генетических истоках исключительного таланта Георгия, о круговороте курьезных и примечательных событий, связанных с его поступлением в школу, а затем и на факультет журналистики Тбилисского университета, о саморазвитии и самореализации личностного потенциала в годы студенчества, первых шагах в журналистике и в общественной жизни. Следующие три раздела посвящены его созидательной деятельности в сфере поэзии, переводческого искусства, литературной критики и публицистики.

Повествование о самобытной, сильной личности, истинном патриоте своей Осетии, о его жизнелюбии и оптимизме, умении дружить и быть принципиальным читается на одном дыхании, как художественная проза, – настолько язык описания сочен, красочен, отвечает романтическому духу поэзии и самой природы Бестауты.

Гармоничное сочетание авторского слова, литературоведческого дискурса и документальных источников позволяет получить представление о ключевых темах и проблемах, динамике контрастов жизни, радости и печали, которые отпечатались и в названиях его сборников («В бурю», «Радость жизни», «Ночь и день»). Образ беспокойного сердца поэта воссоздан через анализ произведений, развивающих мотив движения вперед, небоязни трудностей и рисков. Нельзя не согласиться с Чибировым и в

том, что Бестауты как певцу любви в осетинской поэзии пока нет равных. Исследователи неизменно отмечают высокую культуру выражения чувств как имманентное свойство его лирики, в которой завораживающе тонко и вдохновенно отражается дух любви и лада, присутствия божественного идеала в окружающем мире [23, 132]. Следует особо отметить, с каким тактом автор касается деталей личной жизни поэта, требующих бережного отношения. Остановившись на вопросе об анонимном адресате некоторых образцов его интимной лирики, Чибиров предельно корректен, с уважением относится к чувствам своего персонажа, подчеркивает его верность традиционным нормам поведения.

Напряженный ритм повествования в разделе «Мастер перевода» рожден его ценностно-смысловым содержанием. Рассказ о ступенчатом росте переводческого искусства Бестауты плавно подводит читателя к вершинной вехе – шедевральному переложению на осетинский язык «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, закрепившему за ним имя выдающегося мастера в области переводческой деятельности. На основе воспоминаний тех, кто был в курсе всей сложности процесса, восстанавливается энергетическая связь между душевным состоянием переводчика и результативностью его работы. В книге приводится много отлично подобранных свидетельств о том, каких нервов и времени стоил подчас поэту поиск эквивалента одной строфы или даже одной лексемы. Герсан Кодалаев описывает, например, свое присутствие при весьма показательном объяснении Георгием причины плохого настроения: «Целые сутки мучился, подбирая соответствующие слова для одной строфы. Не получилось. С досады бросил все варианты в печку» [11, 35]. Обрисовка подробностей многолетней работы делает закономерным вывод автора о том, что «перевод поэмы на таком высоком художественном уровне сравним с подвигом» [11, 35].

В разделе, посвященном его литературно-критическому наследию, личность писателя открывается ранее неизвестными читателю гранями: он остро, но созидательно отзывается на явления общественно-культурной жизни; отвергая ложные авторитеты, ставит надежный заслон литературной посредственности. Патриотизм Бестауты показан в деятельном служении интересам национальной литературы, осетинской культуры в целом. По образному сравнению Ш. Джикаева, художественное слово стало для него объектом поклонения, он защищает его позиции, «как язычник свое святилище» [11, 41]. Отметим в очередной раз умение Людвига Алексеевича подключать к собственным рассуждениям «чужое слово», позволяющее буквально в пределах одной фразы высветить духовно-нравственную доминанту, подсознательно присутствующую во всем творчестве мастера.

Этим приемом – несколькими штрихами сделать наглядным, чувственно воспринимаемым нравственное начало в персонаже – искусно владеет

и сам автор книги. В разделе «Бестау и драматургия», например, есть любопытный эпизод, когда «театр даже вошел в его (героя – И.М.) жизнь непосредственно, неожиданно для него самого». Дело было так. Чтобы поддержать инициативу активистов землячества в организации драмкружка в Тбилиси, студент Георгий, в силу нехватки исполнителей, согласился сыграть роль... Отелло. «Надо было знать Георгия лично, чтобы понимать, какой это был смелый для него шаг», – замечает пишущий. И приводит удивленную реакцию его однокурсника, Зураба Ломидзе: «Ты и артист?». Георгий сначала «со свойственным ему наивно-хитрым выражением» отшутился, и только потом объяснил истинные мотивы, побудившие его «стать артистом»: «Что я могу сделать? ...многие из живущих в Тбилиси осетин забывают родной язык, отходят от своей культуры. Тут каждый должен помочь чем может всякому благородному начинанию...» [11, 48]. Подсвеченная добрым юмором информация о том, что артистическая карьера Георгия длилась недолго и ему вскоре нашлась замена, добавляет красок в обрисовку его патриотического облика.

Поскольку формирование творческой личности не может проходить изолированно, исследователи говорят о проблеме сочетания в жанре биографии крупного и общего планов изображения: «...хороший биограф, будучи в известном смысле художником, с одной стороны, должен владеть приемом “репрезентативного портрета”, окружая своего героя предметами и атрибутами, помогающими раскрыть его образ. А с другой стороны, биография – это еще и коллективный портрет» [24, 50].

В свете этой установки в анализируемом издании есть темы, раскрывающие вторую, важную часть социального бытования персонажа – круг его общения. С опорой на мемуарные источники воссоздаются абрисы лиц – коллег по писательскому цеху, сослуживцев, друзей студенческих лет и просто знакомых, с восторгом встретивших явление звездного феномена на поэтическом небосклоне Осетии («Наставники – друзья-единомышленники», «Друзья, собратья по перу», «В волнах общественной жизни»).

Сердечной теплотой и живой болью пульсируют штрихи к «портрету» духовного родства между пишущим книгу и его героем. Это, например, ласково утонченное обращение поэта к своему другу с намеком на «царственность особы» и шутливая надпись на сборнике стихов, от которой из дали веков вдруг дохнет на тебя суровостью древнего клятвенного слова: «Людовико! ...ацы чыныг дын фæлдыст фæуæд æфсымæрдзинады охыл. Дæхи чысайнаг Бестау» [11, 100]. Но также явственно слышен и крик души автора, идущий от бессилия предотвратить неизбежность: «С болью вспоминаю последние месяцы уже обреченного поэта. Часто навещая его, я видел его невыносимые страдания и с трудом сдерживал слезы. Уходил из жизни дорогой человек, и я ничем не мог ему помочь» [11, 100].

Субъективное переживание героем Л.А. Чибирова времени и обстоятельств судьбы был бы неполон без негативного фона, представленного

разделом «Недруги». В нем воспроизводится коллективный портрет антагонистов таланта Бестауты, которые клеветой, доносами, завистью отравляли ему радость жизни, методично и целенаправленно подводили писателя к краю могилы. О недоброжелателях поэта сказано коротко и бегло, будто бы в знак того, что их имена недостойны даже упоминания рядом с духовно близкой ему литературной средой.

Вторая часть – «Приложение» открывается уникальным эпистолярным рядом: письмами Гриша Плиева к самому Бестауты и к собратьям по перу. С последними тот восторженно делится открытием для себя нового имени в осетинской поэзии: «Какой отточенный стих! Какие сравнения и метафоры! Какой неукротимый дух и сила выражения! Демонический полет мысли, блеск молнии, клекот могучего орла!» [11, 116].

Известно, какое большое значение для любого биографа имеет поиск, отбор и обработка материала. В книге этот процесс продуман до мелочей, можно сказать, имеет концептуальный характер, вплоть до названия – «Шаги в бессмертие». Безупречное художественно-полиграфическое оформление гармонирует с ее содержанием, создает стилевое единство всех ее элементов; как бы соразмерно поэтическому гению самого Бестауты.

Исключительная ценность этой биографии состоит в исчерпывающе полной источниковой информации, особое место в ней занимает редкий, отличного качества фотоматериал, размещенный в тексте и на отдельных вклейках. Литературно-критические статьи, письма, подборка стихотворных посвящений друзей и почитателей искрометного дарования мастера, – эти, дополняющие биографическую часть сведения «...позволяют высветить совершенно неожиданными гранями личность самого автора и образы его героев» [14, 132].

Во вступлении к «Силуэтам русских писателей» Ю.И. Айхенвальд утверждал, что биография писателя «мало что прибавляет к его творчеству, которое порой существует ей вопреки» [25, 23]. Людвиг Алексеевич в своих нарративах манифестирует обратное. Созидательный дар его персонажей находится в совершенной гармонии с их замечательными человеческими качествами.

Итак, изучив на материале книг Л.А. Чибирова варианты жанровой структуры литературной биографии, ее поэтику и ценностные смыслы, можно сделать следующие выводы:

1. В рассматриваемых текстах научная объективность и эрудиция ученого органично сочетаются с мастерством обрисовки психологических, поведенческих состояний персонажей и их проявлений.

2. Автор не ставил перед собой цели филологической интерпретации аспектов творчества своих героев, тем не менее, анализ их наследия на проблемно-тематическом уровне отличается компетентностью подхода и вызывает живой интерес. Исследователю важно выразить свое отношение к этим лицам, подчеркнуть их значимость для него лично и для наци-

ональной культуры, для общества в целом. Они близки ему по характеру мировосприятия, по жизненным установкам, неслучайно внимание заостряется не только на их незаурядном таланте, но и на исключительном трудолюбии, работоспособности. Знакома читателя с персоналиями, Чибиров как бы пишет историю своего поколения, создает «групповой портрет» писателя-современника. Но сам того не осознавая выводит между строк и свой собственный биографический образ, одна из ключевых черт которого – созвучие доброго слова и доброго дела.

3. В центре внимания исследователя – жизнь и судьба героя, рассмотренные через призму творчества. Принцип представленности двух планов различен в разных текстах. В одних случаях это абрис лица и штрих-пунктирный обзор произведений с кратким пересказом содержания, с некоторой интенсификацией в нем оценочных высказываний. В других – развернутые личностные характеристики и целостный анализ художественного наследия. Наиболее полно жанровый замысел реализован в литературных портретах Георгия Бестауты и Шамиля Джикаева, факты личной жизни и факты творчества в них составляют неразрывное единство. На примере двух неординарных личностей показано непростое взаимодействие художника и власти, искусства и социальных процессов. Визуализируется феномен того, как активная жизненная позиция может стать источником видимых перемен в сознании общества, влиять на процессы восстановления традиционных духовных ценностей, на формирование национально-культурной идентичности.

4. В ходе проведенного анализа определился вектор жанрового процесса: от эскизных набросков, от портрета-силуэта – к литературной биографии синтетического типа. В плане концептуального содержания это переход от изображения истории отдельной личности, фрагментарной представленности ее в осетинской культуре – к биографии как способа изучения личностной активности индивида в конкретной социальной обстановке, в потоке исторического времени.

5. И в портретах-силуэтах, характерной особенностью которых является выраженная фрагментарность, и в многоплановых биографиях к обрисовке облика персонажа и его креативной энергии активно подсоединены оценочные суждения из рецензий и отзывов, написанных литературоведами и собратями по поэтическому цеху. Свою лепту в данный процесс вносит также прием аппликации – включения в текст цитат из высказываний самого мастера слова. Несмотря на то, что степень и уровни подобных включений различны, сказанное позволяет говорить о синтезе биографического материала с принципами критического жанра.

Поэтика биографий Чибирова представляет собой сплав с элементами конструктивно близких жанровых форм (воспоминания, литературный портрет, аналитический обзор творчества, эпистолярные источники, фрагменты рецензий, цитатные вкрапления и пр.). Ученый разработал

свой алгоритм биографики, в котором синтез разновидностей литературного портрета и вспомогательного источникового материала способствует созданию целостной литературно-художественной биографии, охватывающей все сферы проявления творческой личности, дающей возможность раскрыть ее внутренние качества, интеллектуальный и духовный потенциал, передать собственные впечатления, свое отношение к ней.

Выбранная автором «техника» письма, скрупулезный сбор и структурирование самого материала закладывают базу для углубленного изучения созидательной деятельности лиц, выведенных в его книгах. На внетекстовом уровне биографические нарративы Людвиг Алексеевича репрезентируют идею памяти как важного фактора и механизма трансляции духовного наследия, национальной самобытности, культурного кода народа из поколения в поколение.

Обобщая сказанное, отметим, что круг рассмотренных персоналий расширяет представление о научных интересах Л.А. Чибирова, позволяет отзываться о нем не только как о признанном авторитете в области исторической этнологии, но и как о специалисте, ярко заявившем себя и в амплу историка культуры. Относительно же пользы самих «литературно-биографических штудий» сошлемся на мнение Андреа Моруа – корифея данного жанра, который, апеллируя к эстетическому чувству читателя, признавался: «Расположив эти очерки в хронологическом порядке, я даже испытал счастливое изумление: оказалось (если уподобить изящную словесность горному хребту), в поле моего зрения попали высочайшие вершины». И далее развивает свою мысль, что переходя от одной вершины к другой, «мы следуем дорогой, которую озаряют ярчайшие путеводные светочи. Я постарался рассказать, чем восхищает меня стиль этих мастеров слова. Ты, может статься, найдешь для любви к ним другие причины. Но будешь ли ты в своих мыслях со мной заодно или против меня, в любом случае тебе предстоит провести несколько часов, дыша воздухом горных вершин. А он для здоровья полезен» [26, 7].

Автор рассмотренных изданий дал нам эту возможность – дышать ионизированным воздухом горных вершин ПОЭЗИИ, представленных именами ее лучших представителей.

Ю.М. Лотман, рассуждая о проблеме «права на биографию», признавал его за людьми, строящими свою жизнь по особому, нестандартному для общества образцу поведения, которое требует от них изрядного напряжения интеллектуальных, волевых, душевных сил и базируется на ценностях, отложившихся в культурной памяти поколений [27, 110]. Герои Чибирова помыслами и поступками всецело отвечают указанной модели высокого духовно-личностного статуса, равно как и он сам. Подвижник науки, аристократ духа, эталон толерантности и добросердечия, он не случайно окрещен СМИ «человеком эпохи».

Примечание

1. Термин «биографика» в современной науке большей частью вводится для обозначения теоретических и методологических особенностей изучения биографического письма, под биографией же понимают «реконструкцию истории личностной индивидуальности» (А.Л. Валевский).

1. *Гостиева Л.К., Хадикова А.Х.* К юбилею Л. А. Чибирова // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 26 (65). С. 183–186.

2. *Дунаева Ю.В.* Биография в отечественной и зарубежной исторической науке. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2021. №3. С. 7–22.

3. *Померанцева Г.Е.* Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. 335 с.

4. Цит. по: *Иванова Е.А.* Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии // Известия Саратовского университета. 2012. Т.12. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 43–49.

5. *Чибиров Л.А.* О времени, о людях, о себе: Записки Первого Президента Республики Южная Осетия. Владикавказ: Ир, 2004. 353 с.

6. *Чибиров Л.А.* Потомство Сидамона: Цыбырты мыггаг. Владикавказ: Терские ведомости, 2016. 226 с.

7. Аксо Колиев / сост., автор вступит. ст. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Алания, 1999. 128 с.

8. *Чибиров Л.А.* Встречи с Васо Абаевым. Владикавказ: Ир, 2000. 125 с.

9. *Чибиров Л.А.* У истоков осетинского просвещения: Иуане Габарев-Ялгузидзе. Владикавказ: Осетия-Полиграфсервис, 2016. 184 с.

10. *Чибиров Л.А.* Григорий Котаев. Жизнь во благо народа. Цхинвал, 2017. 224 с.

11. *Чибиров Л.А.* Георгий Бестауты. Шаги в бессмертие. Цхинвал: Дом печати, 2021. 176 с.

12. *Чибиров Л.А.* Имена: Очерки. Владикавказ: Ир, 2010. 431 с.

13. *Бесолова Е.Б.* Время – критерий истины // Людвиг Чибиров. И словом, и сердцем / сост. А.Х. Хадикова. Владикавказ: Абета, 2022. С. 469–471.

14. *Цориева И.Т.* Рецензия на: Л. А. Чибиров. Имена. Очерки // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 6 (45). С. 127–132.

15. Цит. по: *Novarr D.* Lines of Life: Theories of Biography. 1880–1970. West Lafayette, Purdue University Press, 1986. 202 p.

16. *Мамиева И.В.* В поисках слова: Автор и герой: динамика взаимоотношений. Владикавказ: Ир, 2008. 368 с.

17. *Бритаева А.Б.* Внутренний мир подростка в прозе осетинских дет-

ских писателей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3(78). С. 22–25.

18. Бритаева А.Б. Жанр автобиографической повести в осетинской детской литературе // Kavkaz-Forum. 2020. Вып. 1(8). С. 61–70.

19. Дзапарова Е.Б., Хетагурова К.И. Автобиографизм в лирической прозе В. Распутина и М. Дзасохова: типизация образов // Актуальные проблемы национальных литератур и отечественного литературоведения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 63–66.

20. Бритаева А.Б. Традиции В.В. Бианки в творчестве осетинских детских писателей // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 30 (69). С. 130–138.

21. Дзапарова Е.Б. Русскоязычная проза К.Л. Хетагурова в осетинских переводах (на материале перевода рассказа «Охота за турами») // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С. 80–90.

22. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 200 с.

23. Мамиева И.В. Основные вехи развития осетинской поэзии: имена и тенденции // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22 (61). С. 120–139.

24. Холиков А.А. Жанровый потенциал биографии литературоведа // Новый филологический вестник. 2016. Вып. 4(39). С. 46–52.

25. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.

26. Моруа А. Литературные портреты: В поисках прекрасного. М.: Азбука-Аттикус, 2021. 608 с.

27. Лотман Ю. Литературная биография в историко-литературном контексте // Ученые записки Тартуского университета. 1986. Вып. 683. С. 106–121.

Mamieva, Izeta V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); dzirasga@mail.ru

LITERARY AND BIOGRAPHICAL NARRATIVE IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF L.A. CHIBIROV AND HIS AXIOLOGICAL DOMINANTS.

Keywords: *literary biography, poetics, structure, synthesis, narrative, source complex, cultural memory.*

The article for the first time considers the genre of biography as a new facet of the scientific heritage of the prominent historian and Caucasian ethnologist Ludwig Alekseevich Chibirov. The relevance of the study is determined both by the growing interest in biography (biography) nowadays, one of the branches of applied interdisciplinary science, and by the theoretical underdevelopment of its genre-species forms in historical and literary science in general, including Ossetian. The author focuses on the literary and artistic branch of biography,

which has noticeably supplanted the position of the traditional critical biographical essay. The purpose of the work is to study the variants of the genre structure of literary biography, its poetics and value meanings on the material of the books by L. A. Chibirov "Names" (2010), "Georgy Bestauty. Steps to Immortality" (2021). The biographical method was used with the use of analytical techniques of hermeneutics, which made it possible to reveal how accurately and objectively the image of a particular literary figure was reproduced in the analyzed texts, aspects of his life path were revealed, events that influenced the development of his worldview, individual author's manner of writing were highlighted. It is concluded that the vector of genre dynamics is directed from the silhouette portrait (Yu. Botsiev, S. Khabliev) through an intermediate view (M. Dzasokhov) to a literary biography of a synthetic type (G. Bestauty, Sh. Dzhikaev). In terms of conceptual content, this is a transition from depicting the biography of the hero as the history of an individual to the biography of a person "inscribed" in the historical process, in the space of which the facts of personal life and the facts of creativity constitute an inseparable unity; the active position of the individual becomes a source of visible changes in society, has an impact on the formation of national and cultural identity.

For citation: Mamieva, I.V. Literary and biographical narrative in the scientific heritage of L.A. Chibirov and his axiological dominants. KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 13(20), pp. 30-48 (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.20.13.001

References

1. Gostieva, L.K., Khadikova, A.Kh. Kyubileyu L.A. Chibirova [To the anniversary of L. A. Chibirov]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2017, iss. 26(65), pp. 183–186.
2. Dunaeva, Yu.V. *Biografiya v otechestvennoi i zarubezhnoi istoricheskoi nauke. (Obzor)* [Biography in domestic and foreign historical science. (Review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 5: History]. 2021, no. 3, pp. 7–22.
3. Pomerantseva, G.E. *Biografiya v potoke vremeni. ZhZL: zamysly i voploshcheniya serii* [Biography in the flow of time. Life of Remarkable People: Concepts and Realizations of the Series]. Moscow, Kniga, 1987. 335 p.
4. Quoted from: Ivanova, E.A. *Teoreticheskie osnovy i aktual'nye problemy zhanra biografii* [Theoretical Foundations and Actual Problems of the Biography Genre]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov University]. 2012, vol.12. *Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Series Philology. Journalism]. Iss. 3, pp. 43–49.
5. Chibirov, L.A. *O vremeni, o lyudyakh, o sebe: Zapiski Pervogo Prezidenta Respubliki Yuzhnaya Osetiya* [About time, about people, about myself: Notes of the First President of the Republic of South Ossetia]. Vladikavkaz, Ir, 2004. 353 p.

6. Chibirov L.A. *Potomstvo Sidamona: Tsybyrty myggag* [The offspring of Sidamon: the surname of the Chibirovs]. Vladikavkaz, Terskie vedomosti, 2016. 226 p.
7. Chibirov, L.A. (comp.). *Akso Koliev* [Akso Koliev]. Vladikavkaz, Alaniya, 1999. 128 p.
8. Chibirov, L.A. *Vstrechi s Vaso Abaevym* [Meetings with Vaso Abaev]. Vladikavkaz, Ir, 2000. 125 p.
9. Chibirov, L.A. *U istokov osetinskogo prosveshcheniya: luane Gabaraev-Yalguzidze* [At the origins of Ossetian education: luane Gabaraev-Yalguzidze]. Vladikavkaz, Osetiya-Poligrafservis, 2016. 184 p.
10. Chibirov, L.A. *Grigorii Kotaev. Zhizn' vo blago naroda* [Grigory Kotaev. Life for the benefit of the people]. Tskhinval, 2017. 224 p.
11. Chibirov, L.A. *Georgii Bestauty. Shagi v bessmertie* [Georgy Bestauty. Steps to immortality]. Tskhinval, Dom pechati, 2021. 176 p.
12. Chibirov, L.A. *Imena: Ocherki* [Names: Essays]. Vladikavkaz, Ir, 2010. 431 p.
13. Besolova, E.B. *Vremya – kriterii istiny* [Time is the criterion of truth]. Khadikova, A.Kh. (comp.). *Lyudvig Chibirov. I slovom, i serdtsem* [Ludwig Chibirov. Both in word and heart]. Vladikavkaz, Abeta, 2022, pp. 469–471.
14. Tsorieva, I.T. *Retsenziya na: L.A. Chibirov. Imena. Ocherki* [Review: L.A. Chibirov. Names. Essays]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2011, iss. 6(45), pp. 127–132.
15. Quoted from: Novarr, D. *Lines of Life: Theories of Biography. 1880-1970*. West Lafayette, Purdue University Press, 1986. 202 p.
16. Mamieva, I.V. *V poiskakh slova: Avtor i geroi: dinamika vzaimootnoshenii* [In Search of the Word: Author and Hero: Relationship Dynamics]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 368 p.
17. Britaeva, A.B. *Vnutrennii mir podrostka v proze osetinskikh detskikh pisatelei* [The inner world of a teenager in the prose of Ossetian children's writers]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2017, no. 12-3(78), pp. 22–25.
18. Britaeva, A.B. *Zhanr avtobiograficheskoi povesti v osetinskoj detskoj literature* [Genre of autobiographical story in Ossetian children's literature]. *Kavkaz-Forum* [Kavkaz-Forum]. 2020, iss. 1(8), pp. 61–70.
19. Dzaparova, E.B., Khetagurova, K.I. *Avtobiografizm v liricheskoi proze V. Rasputina i M. Dzasokhova: tipizatsiya obrazov* [Autobiography in the lyrical prose of V. Rasputin and M. Dzasokhov: typification of images]. *Aktual'nye problemy natsional'nykh literatur i otechestvennogo literaturovedeniya* [Actual problems of national literatures and domestic literary criticism]. Ufa, Bashkir State University, 2020, pp. 63–66.
20. Britaeva, A.B. *Traditsii V.V. Bianki v tvorchestve osetinskikh detskikh pisatelei* [Traditions V.V. Bianchi in the work of Ossetian children's writers]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 30(69), pp. 130–138.

21. Dzaparova, E.B. *Russkoyazychnaya proza K.L. Khetagurova v osetinskikh perevodakh (na materiale perevoda rasskaza «Okhota za turami»)* [Russian-language prose of K.L. Khetagurov in Ossetian translations (based on the translation of the story «Hunting for tours»)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2012, iss. 8(47), pp. 80–90.
22. Kanaf'eva, A.V. *Ritoricheskoe vyskazyvanie: formy, semantika, funktsii* [Rhetorical statement: forms, semantics, functions]. Moscow, Moscow State Regional University, 2011. 200 p.
23. Mamieva, I.V. *Osnovnye vekhi razvitiya osetinskoj poezii: imena i tendentsii* [The main milestones in the development of Ossetian poetry: names and trends]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2016, iss. 22(61), pp. 120–139.
24. Kholikov, A.A. *Zhanrovyi potentsial biografii literaturoveda* [Genre potential of the biography of a literary critic]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin]. 2016, no. 4(39), pp. 46–52.
25. Aikhental'd, Yu.I. *Siluetny russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, Respublika, 1994. 591 p.
26. Morua, A. *Literaturnye portrety: V poiskakh prekrasnogo* [Literary portraits: In search of beauty]. Moscow, Azbuka-Attikus, 2021. 608 p.
27. Lotman, Yu. *Literaturnaya biografiya v istoriko-literaturnom kontekste* [Literary biography in the historical and literary context]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* [Academic Notes of the University of Tartu]. 1986, iss. 683, pp. 106–121.